

«Я плохо знаю московскую театральную жизнь, но смотрю спектакли в Нью-Йорке, Лондоне, других столицах и часто ловлю себя на мысли: да это же глухая театральная провинция!»

Бывший москвич

Евгений АРЬЕ

возглавляет израильский театр «Гешер», который вскоре приезжает на гастроли в Москву

НИКТО НЕ ЗАСТАВИТ НАС СИДЕТЬ ДОМА

Моск. новости 2003
15 сент. - с. 19.

СОБЕСЕДНИК

В конце восьмидесятых в Москве в Театре Маяковского с огромным успехом шел спектакль «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» режиссера Евгения Арье. Он рассказывал о безымянных жертвах истории – маленьких людях, которые гибнут, пока Гамлеты и Клавдии решают свои проблемы. Потом режиссер этот из Москвы исчез – и вот приехал в качестве руководителя израильского театра «Гешер», гастроли которого состоятся на сцене МХАТа имени Чехова в октябре. С Евгением Арьем беседует обозреватель «МН» Нина АГИШЕВА.

– Как вы попали в Израиль?

– Не сразу. Первый раз я получил отказ еще в 1980 году без всякого объяснения причин. Потом, спустя лет восемь, сделал вечер памяти Соломона Михоэлса, познакомился с Анатолием Щаранским, который и предложил мне съездить в Израиль, чтобы подумать о создании там нового театра – тем более что волна эмиграции из России тогда нарастала. Я съездил, привез массу впечатлений, как пессимистических, так и оптимистических, и вот уже в Москве ко мне стали обращаться актеры, в том числе и известные, студенты гитисовского курса, где я преподавал вместе с Захаровым и Гончаровым, с предложением уехать вместе. Так это и произошло: с ними и Славой Мальцевым, с которым я тогда вместе работал, мы практически с нуля начали новое театральное дело. Сразу получили небольшую дотацию от государства, «Габима» любезно предоставила нам свою малую сцену, и мы открылись тем же «Розенкранцем», принципиально заявив тем самым, что будем ориентироваться на театр интеллектуальный, а не развлекательный. Потом был успех спектакля «Идиот», с которого по сути и начался театр «Гешер».

– И вы были уверены, что именно интеллектуальный театр окажется там востребованным?

– Нет, конечно, это был огромный риск. Но поначалу мы видели в зале те же интеллигентные лица, к которым привыкли в Москве и Ленинграде, спектакль шел четыре часа, что, как я потом понял, для настоящего израильского зрителя просто неприемлемо. Через два месяца мы показали его в Нью-Йорке, именно там нас увидел мэр Тель-Авива – и мы получили свое первое здание для репетиций.

– Спектакль шел на русском языке?

– Да, с синхронным переводом. Предполагалось, что мы перейдем на иврит года через три, но мы перешли через год. Многие актеры выучили язык, и очень хорошо, а кто-то поначалу просто заучивал на иврите свои роли, и это было абсолютное хождение по проволоке. Сейчас уже можно вспоминать об этом с улыбкой, но тогда нам было не до смеха: если актер пропускал хотя бы одно слово, то можно было давать занавес – партнер просто не отвечал ему, резонно ожидая услышать нужное слово, хотя и не зная, что оно означает. Ясно, что импровизировать в такой ситуации тоже было невозможно. По счастью, первый спектакль на иврите мы играли в каком-то далеком кибуце, где нашими зрителями были в основном дедушки и

бабушки, да и те сидели метрах в тридцати от сцены. Понять наших актеров, как я теперь думаю, было невозможно, хотя нам казалось, что мы играем на иврите. Все были в полубормочном состоянии, но без освоения языка театр бы просто не выжил. Приблизительно тогда же к нам приехал Юрий Любимов и сказал в одном из интервью, что не верит, будто актер может переродиться и столь же успешно заиграть на новом для себя языке. Практика показала, что он ошибся – мы были вместе, мы все переживали эту ситуацию и помогали друг другу, и сегодня некоторые наши артисты на иврите играют лучше, чем на русском, – в «Гешере» идут спектакли на двух языках. В то же время в чем-то мы отличаемся от других театров. В Израиле существует система абонементов: зритель покупает абонемент, например, на шесть спектаклей сразу, что обходится ему дешевле, чем если бы он покупал эти билеты в кассе перед премьерой, но он должен иметь выбор, то есть театр в свою очередь обязан выпустить не шесть, а десять спектаклей. Такая вот западная потогонная система, и многие к ней уже приспособились. Система удобная в финансовом отношении, но убийственная в художественном – где взять десять хороших режиссеров? Мы существуем иначе: я выпускаю за сезон спектакля два-три, и абонементов у меня нет.

– Как же вы не прогораете?

– Спектакль должен идти долго и еще – очень многое зависит от того, купят ли его в других городах. По стране много ездят все театры. Вообще в Израиле самые посещаемые театры в мире – в прошлом году было продано, например, два миллиона билетов, что в расчете на количество жителей является абсолютным мировым рекордом.

– А чем этот зритель-театрал отличается от зрителей других стран?

– В чем-то он больше походит на американцев, чем на русских. Это зритель более наивный, открытый, но менее подготовленный, он ждет истории и готов ее вместе с вами переживать, но он не всегда готов размышлять на интересующую вас тему. Когда я показываю спектакль, например, в Берлине, я могу рассчитывать на один ряд ассоциаций, в Нью-Йорке или Тель-Авиве – на другой, в кибуце – уже на третий.

– Конечно, и московский зритель очень изменился со времени вашего отъезда, причем не в лучшую сторону, но все-таки у вас никогда не возникало ощущения, что в Израиле вы попали в провинцию – в театральном отношении?

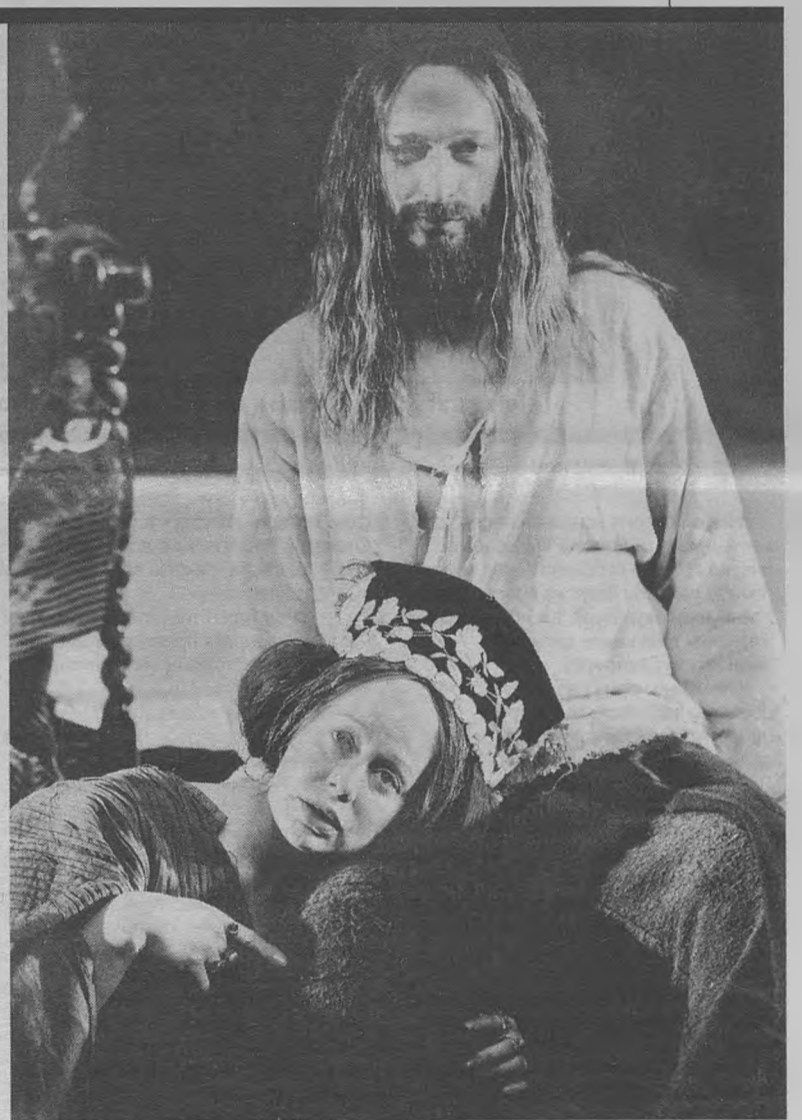
– Такие моменты были, не стану отрицать. Но здесь все зависит от твоего собственного творческого самоощущения. Я плохо знаю московскую театральную жизнь, но смотрю спектакли в Нью-Йорке, Лондоне, других столицах и часто ловлю себя на мысли: да это же глухая театральная провинция! Мы пытаемся работать не провинциально и так же строим репертуар: например, до сих пор не взяли ни одной успешной пьесы с Вест-Энда или Бродвея и не перенесли к себе, чем я горжусь. Интересно, что и зритель

приучается уважать эту позицию. И в провинции есть свои преимущества: у нас по определению невозможно такое, как в прошлом году на Бродвее – туда приехали два человека из Австралии и демонстрировали возможности своих пенисов. Год играли при переполненном зале. Хотя общая тенденция в сторону развлекательности коснулась и Израиль: популярны спектакли недлинные, часа на полтора, ритмичные, зрелищные. Мы на этом поле не играем, потому что это не наше, и все знают: в «Гешере» спектакли сложные, длинные и часто совсем не веселые. Хотя есть и демократичные, даже наивные: например, «Деревушка» по пьесе Соболя, которая идет уже почти восемь лет и которой мы открываем московские гастроли, рискуя вызвать неудовольствие снобов.

– Вы занимаетесь театром в стране, которая по сути ведет войну. Как это сочетается?

– Никак. Я знаю, после трагической истории с «Норд-Остом» в Москве прогорели мюзиклы. Израильяне в этом отношении для меня абсолютно непостижимы: невзирая ни на какую опасность, они ходят в театр. Даже если после очередного взрыва не придет человек сорок, это почти незаметно, так как сегодня мы играем в зале на 900 мест. Возможно, это позиция: нас никто не заставит сидеть дома, мы не позволим изменить свою жизнь. В то же время «Гешер» как государственный театр целиком зависит от положения в стране, а финансовая ситуация сейчас очень сложная: сокращаются дотации, снижаются зарплаты. В прошлом году мы единственные из театров оказались с прибылью – во многом благодаря спектаклю «Раб» по роману нобелевского лауреата Башевиса-Зингера. Он с успехом прошел по всей стране, и на то есть определенные причины, причем не только творческого характера: действие там происходит в XVI веке в Польше, после погрома тридцатилетний религиозный еврей оказывается рабом у поляка и влюбляется в польскую женщину. В итоге оба они оказываются не нужны ни полякам, ни евреям.

Что касается политики: так получилось, что у нашего театра с самого начала установились очень теплые отношения с Ицхаком Рабином. И нас сразу причислили к левым – тем, кто за переговоры. В то время как русская эмиграция настроена сегодня в основном крайне право: большинство готово взять в руки оружие и сражаться. Скажу честно: после очередного теракта, особенно когда гибнут дети, я сам готов взяться за автомат, но потом понимаю, что это не выход. Вообще та картинка, которая существует ныне в сознании европейской интеллигенции, не совсем верна: это не два народа воюют между собой. То, что происходит с палестин-

«Раб» по роману знаменитого писателя Башевиса-Зингера с успехом прошел по всему Израилю и будет показан в Москве

цами, – это часть процесса, который вообще происходит сегодня в мире: я имею в виду отношения с исламом. И кому-то нищета палестинцев просто выгодна, почему там ничего и не меняется. Так что европейские интеллигалы далеко не во всем правы. Сам я довольно безнадежно смотрю на эту ситуацию, так как волна ненависти только нарастает, и непонятно, что может ее остановить.

– Вы никогда не хотели поставить спектакль на эту тему?

– Нет. Слишком много спекуляций: в Израиле, например, был популярен спектакль, который начинался со сцены избития палестинца израильскими солдатами – и все дальнейшее проистекало из этого. Но ведь Шекспир написал «Ромео и Джульетту», не сказав, что именно начал конфликт Монтеки и Капулетти, это было бы слишком просто. Нет, я не за автоматы, но есть реальность, и она во много раз сложнее любых драматургических построений. В Израиле сегодня нет страха, но есть упадок настроения. Когда мы приехали во времена Рабина, был

такой взлет всего! Все развивалось, ощущался оптимистичный настрой – сейчас чаще встретишь усталость и чувство безнадежности.

– Если честно – не жалеете, что уехали? Состоялись же в нашем театре близкие вам по возрасту и по духу Лев Додин, Кама Гинкас, Генриетта Яновская.

– Абсолютно честно – нисколько. Во-первых, я совершенно не представляю, как сложилась бы здесь моя профессиональная судьба. «Гешер» – это мой театр, и он существует. Во-вторых, мы рискнули захватить совсем другой, новой жизнью – и эта жизнь мне нравится. Я приезжаю в Москву, вижу, как она замечательно изменилась, радуюсь, многому завидую, но... Знаете, у меня здесь по-прежнему возникает чувство ужасной незащищенности – когда вижу лицо таможенника, например. Или вчера: спускаюсь в пустой ресторан – а метрдотель в мою сторону даже не посмотрел. Здесь по-прежнему чувствуешь себя частью огромной, но совершенно беззащитной толпы.

150903